

Николай Соков

БЕЗЪЯДЕРНАЯ ЗОНА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: КАК ЗАПОЛУЧИТЬ ПЯТЕРКУ?

Подписанный 8 сентября 2006 г. в Семипалатинске пятью государствами Центральной Азии Договор о создании зоны, свободной от ядерного оружия (ЦАЗСЯО), стал крупной вехой в деле ядерного разоружения, особенно ценной на фоне практически полного застоя, а местами и отката в этой сфере. Процесс ратификации идет полным ходом (по состоянию на 1 мая 2008 г. договор ратифицировали Узбекистан, Киргизия и Туркменистан), и можно рассчитывать, что в обозримом будущем Договор вступит в силу.

Проблемой является обеспечение поддержки зоны со стороны ядерных государств (ЯОГ) – традиционно пять *официальных* (то есть признанных в Договоре о нераспространении ядерного оружия) ядерных стран подписывают протокол, предоставляющий гарантии странам, входящим в зону, и как бы официально признают ее. Такой протокол открыт для подписания и в рамках ЦАЗСЯО. Новая зона сразу получила поддержку двух ЯОГ – России и Китая, тогда как США, Англия и Франция в поддержке отказали. Причем если участники зоны выполняют условия *западной тройки* (о них немного ниже), то рискуют одновременно с получением их голосов потерять поддержку России и, вероятно, Китая. Иными словами, тупик.

В принципе на это можно было бы не обращать внимания в соответствии с *принципом Ходжи Насреддина*: через десять лет либо ишак умрет, либо эмир, либо сам Ходжа. Например, западным странам потребовалось десять лет на подписание соответствующих протоколов к Договору Раротонга (безъядерная зона в южной части Тихого океана). Ядерные страны нередко делали оговорки: например, СССР при ратификации Дополнительного протокола к Договору Тлателолко (зона, свободная от ядерного оружия, в Латинской Америке) высказал возражения против разрешения в нем транзита ядерного оружия.

Однако для ЦАЗСЯО такой подход малоприменим. Разногласия вокруг зоны фактически становятся частью сложной многоуровневой *большой игры* за влияние в регионе, и это благое начинание может стать ее жертвой. Более того, нельзя исключать, что эти разногласия будут способствовать обострению существующих конфликтов и вызвать новые. Резерв времени для решения по зоне есть, но не слишком большой.

По мнению автора, само противостояние вокруг ЦАЗСЯО (два против трех) далеко не неизбежно – тщательный анализ соответствующих юридических положений показывает, что западные страны могли бы уже сейчас ратифицировать протокол, не жертвуя принципами своей политики в области нераспространения. Для ускорения решения вопроса Россия могла бы дополнительно принять односторонние шаги, которые, также без принесения в жертву каких-либо практических интересов в Центральной Азии, помогли бы усилить де-факто безъядерный статус новых членов НАТО.

А
Н
А
Л
И
З

ЦЕНТР РАЗНОГЛАСИЙ – ДОГОВОР О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Среди причин негативного отношения *западной тройки* ядерных стран к новой зоне главное место занимает статья 12 Договора о ЦАЗСЯО, а точнее, ее первый абзац: «Настоящий Договор не влияет на права и обязательства Сторон по другим международным договорам, которые они могли заключить до вступления в силу настоящего Договора»¹. Это положение может истолковываться как допускающее возможность размещения российского ядерного оружия на территории четырех из пяти членов зоны, которые являются членами Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), то есть за исключением Туркменистана. Здесь можно усмотреть противоречие – с одной стороны, зона свободна от ядерного оружия, но с другой – по другому договору – его размещение допускается. То есть как бы работает принцип *если нельзя, но очень хочется, то можно*.

Предлагается несколько вариантов решения этой проблемы. Наиболее радикальным, который и поддерживает *западная тройка*, является отказ от статьи 12 – либо до вступления договора в силу, либо в порядке поправки к нему. Этот вариант представляется маловероятным, поскольку три участника зоны уже ее ратифицировали. Поэтому любые изменения чреваты расколом между участниками ЦАЗСЯО, а в случае если статья 12 все-таки будет убрана, то, как будет показано ниже, этот подход приведет к ослаблению или даже развалу ОДКБ, а также к резкому возрастанию конфликтности в отношениях между Россией и Западом: уже сейчас разногласия вокруг ЦАЗСЯО рассматриваются в России прежде всего и даже исключительно в контексте стремления подорвать ОДКБ. В том, что касается непосредственно зоны, негативное отношение *западной тройки* сменится негативным отношением России, то есть поддержка всех пяти ядерных государств в любом случае не гарантирована.

Другой, немного более мягкий вариант – реинтерпретация Договора о коллективной безопасности в виде заявления участников ЦАЗСЯО (или в какой-либо иной форме), что он не предусматривает размещения ядерного оружия на территории неядерных членов ОДКБ. Последствия в этом случае, видимо, были бы менее драматичны, чем в предыдущем варианте, но в основном схожи – конфликт внутри ОДКБ по поводу интерпретации обязательств, возможный конфликт между государствами Центральной Азии – членами ОДКБ, отказ России от поддержки зоны, обострение отношений между Россией и Западом.

Тем не менее, на первый взгляд, именно к отмене тем или иным образом статьи 12 сводятся рекомендации сессии 2008 г. Подготовительного комитета к Конференции 2010 г. по рассмотрению действия ДНЯО. Представленный председательствовавшим на нем послом Украины при международных организациях в Вене В.Ю. Ельченко рабочий документ говорит о необходимости «провести консультации» между соответствующими государствами, руководствуясь при этом рекомендациями Комиссии по разоружению ООН от 1999 г.². Документ 1999 г.³ содержит две существенных для рассматриваемого вопроса рекомендации. Первая заключается в том, что в ходе переговоров о создании зоны, свободной от ядерного оружия, должны быть проведены консультации с ядерными странами с тем, чтобы способствовать обеспечению их поддержки. Это мало что меняет в существующем положении дел, поскольку остается неясным, что делать, если мнения ядерных стран расходятся. Согласно второй, договор о создании зоны должен предусматривать, что участники не разрешат размещение ядерного оружия каким-либо государством в пределах зоны.

Вопрос, однако, далеко не столь однозначен и прост. Прежде чем оценивать эти и формулировать новые предложения по решению вопроса о статье 12, следует определиться, действительно ли ядерное оружие находится в числе средств коллективной обороны в рамках Договора о коллективной безопасности. Этот вопрос всерьез никогда не рассматривался просто в силу неактуальности, и сегодня можно услышать порой полярные точки зрения по этому поводу. Во-вторых, надо определиться по вопросу о том, как положения двух договоров – о коллективной безопасности и о зоне, свободной от ядерного оружия, – соотносятся друг с другом.

ДОГОВОР О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

Для ответа на первый вопрос следует прежде всего учитывать, что текст Договора о коллективной безопасности формировался по аналогии с Североатлантическим договором (Вашингтонский договор 1949 г.), который создал НАТО. Близкое сходство этих двух документов не случайно: в 1992 г. Ташкентский договор задумывался как основа для полномасштабного военно-политического союза – аналога НАТО (см. Таблицу 1). ОДКБ должен был стать своеобразной заменой Объединенным Вооруженным силам (ОВС) СНГ, которые в это время стремительно распались на национальные армии (вдобавок политические лидеры стремились избавиться от весьма неудобного *де-факто* независимого надгосударственного образования), или, по мысли других, спасти ОВС СНГ. Реальная жизнь разошлась с планами. Вопрос о ядерном оружии ни в момент согласования, ни позже всерьез не обсуждался просто потому, что реальной потребности не было, поэтому при анализе ситуации следует исходить прежде всего из анализа текста договора. Тем более, что, как говорили римляне, *pacta sunt servanda*.

Таблица 1. Сравнение Договора о коллективной безопасности и Североатлантического договора

Договор о коллективной безопасности 1992 г. ⁴	Североатлантический договор 1949 г. ⁵
<p>Статья 2</p> <p>Государства-участники будут консультироваться друг с другом по всем важным вопросам международной безопасности, затрагивающим их интересы, и согласовывать по этим вопросам позиции.</p> <p>В случае возникновения угрозы безопасности, территориальной целостности и суверенитету одного или нескольких государств-участников либо угрозы международному миру и безопасности государства-участники будут незамедлительно приводить в действие механизм совместных консультаций с целью координации своих позиций и принятия мер для устранения возникшей угрозы.</p>	<p>Статья 4</p> <p>Договаривающиеся стороны всегда будут консультироваться друг с другом в случае, если, по мнению какой-либо из них, территориальная целостность, политическая независимость или безопасность какой-либо из Договаривающихся сторон окажутся под угрозой.</p>
<p>Статья 4</p> <p>Если одно из государств-участников подвергнется агрессии со стороны какого-либо государства или группы государств, то это будет рассматриваться как агрессия против всех государств – участников настоящего Договора.</p> <p>В случае совершения акта агрессии против любого из государств-участников все остальные государства-участники предоставят ему необходимую помощь, включая военную, а также окажут поддержку находящимся в их распоряжении средствами в порядке осуществления права на коллективную оборону в соответствии со статьей 51 Устава ООН.</p>	<p>Статья 5</p> <p>Договаривающиеся стороны соглашаются с тем, что вооруженное нападение на одну или несколько из них в Европе или Северной Америке будет рассматриваться как нападение на них в целом, и, следовательно, соглашаются с тем, что в случае если подобное вооруженное нападение будет иметь место, каждая из них, в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону, признаваемого Статьей 51-й Устава Организации Объединенных Наций, окажет помощь Договаривающейся стороне, подвергшейся или Договаривающимся сторонам, подвергшимся подобному нападению, путем немедленного осуществления такого индивидуального или совместного действия, которое сочтет необходимым, включая применение вооруженной силы с целью восстановления и последующего сохранения безопасности Североатлантического региона.</p>

А
Н
А
Л
И
З

Вывод из сравнения двух договоров достаточно очевиден:

Во-первых, *ничто в тексте Ташкентского договора не дает оснований считать, что ядерное оружие исключено из понятия «необходимой помощи, включая военную».*

Во-вторых, *если Североатлантический договор допускает размещение ядерного оружия на территории неядерных союзников, то в той же мере его допускает и Ташкентский договор.*

Практические шаги по размещению ядерного оружия в рамках НАТО регулировались не самим договором, а отдельными соглашениями, тогда как Вашингтонский договор лишь обеспечил юридическую базу. Представляется, что в случае ОДКБ, если бы аналогичный вопрос возник, размещение ядерного оружия также регулировалось бы отдельными соглашениями на основе, созданной Ташкентским договором. Предусмотренная этим документом процедура вовсе не означает, тем не менее, что в случае возникновения угрозы ядерное оружие может быть размещено по желанию одной из сторон. В этой ситуации стороны проводят консультации и определяют набор политических, военных и иных мер по парированию угрозы. Размещение ядерного оружия, таким образом, осуществляется по взаимному согласию, и, видимо, статус соответствующих частей и оружия должен регулироваться отдельным соглашением.

В этом контексте важен второй абзац статьи 12 Договора о ЦАЗСЯО: «Стороны должны предпринимать все необходимые меры для эффективного достижения целей и осуществления задач настоящего Договора в соответствии с основными принципами, изложенными в нем»⁶. Он может толковаться в том смысле, что участники Договора намерены воздержаться от просьбы о размещении ядерного оружия на своей территории. Этот абзац не подвергает сомнению права и обязательства по статьям 2 и 4 Договора о коллективной безопасности, а всего лишь определяет некоторые практические аспекты их применения.

Иными словами, вопроса о статье 12 по существу быть не должно – хотя первый абзац предусматривает возможность размещения ядерного оружия при определенных условиях и соблюдении определенной процедуры, второй абзац показывает, что юридическое право не будет переводиться в практическую плоскость (естественно, за исключением форс-мажорных обстоятельств). То есть в реальности страны – участники ЦАЗСЯО уже на стадии переговоров выполнили рекомендацию Комиссии по разоружению от 1999 г. – в документ заложены гарантии того, что третьи страны не будут размещать ядерное оружие на территории зоны.

Возникает логичный вопрос, зачем тогда вообще нужна статья 12. Ее смысл становится ясен, если обратить внимание на статью 8 Договора о коллективной безопасности: «Государства-участники обязуются не заключать международные соглашения, несовместимые с настоящим Договором»⁷. Если статья 4 подразумевает, что ядерное оружие входит в понятие «необходимой помощи», то *без статьи 12 Договор о ЦАЗСЯО представлял бы собой нарушение обязательств по статье 8 Договора о коллективной безопасности.* В то же время сочетание первого и второго абзацев статьи 12 позволяет одновременно и сохранить в неприкосновенности Договор о коллективной безопасности, и обеспечить безъядерный статус региона.

Таким образом, устранение статьи 12 является далеко не столь простым делом, как может показаться на первый взгляд: прежде чем исключить ее из текста Договора о ЦАЗСЯО, государства – участники зоны должны выйти из ОДКБ или, как минимум, внести поправки в текст Договора о коллективной безопасности. Это, конечно, было бы весьма и весьма серьезным решением. Для этого им надо прежде всего взвесить, действительно ли устранение статьи 12 (а точнее – готовность пойти навстречу пожеланиям *западной тройки*) перевешивает последствия выхода из ОДКБ и фактического разрыва отношений с Россией, причем не только военно-политических, но, вероятно, и политико-экономических.

То же самое стоит взвесить и *западной тройке*, которая, похоже, не полностью проанализировала ситуацию и не до конца представляет себе политическую и экономическую

цену, которую пришлось бы заплатить четырем странам Центральной Азии. Вряд ли речь идет о каком-то *коварном плане* – скорее это следствие недостаточного знакомства с юридическими реалиями. В западной – особенно американской – политике такое встречается часто: решение принимается только на основании тех параметров, которые непосредственно касаются этих стран, и такое решение автоматически считается наилучшим. Каковы могут быть дополнительные последствия для других стран – это просто не принимается во внимание, а попытки как-то объяснить, что интересы западной группы могут быть удовлетворены и иным образом, воспринимаются как неконструктивность.

ЦЕНА ВОПРОСА

Хотя статья 12 в нынешнем виде в целом решает проблему соотношения между Договором о ЦАЗСЯО и Договором о коллективной безопасности, стоило бы поискать дополнительные меры, способные более надежно обеспечить статус зоны, свободной от ядерного оружия, а также снизить оппозицию западной тройки. Безусловность статуса зоны обеспечила бы ее роль как крупного шага вперед в ядерном разоружении и тем самым внесла бы вклад в поддержание режима нераспространения ядерного оружия.

Как отмечалось выше, наиболее очевидный, казалось бы, вариант с исключением статьи 12 или реинтерпретацией обязательств по Договору о коллективной безопасности является, мягко говоря, далеко не оптимальным.

Исключение статьи 12 или новое толкование Договора о коллективной безопасности неминуемо вызовут как минимум нервную реакцию России, а скорее – жесткий отпор. Вина будет возложена прежде всего на *западную тройку*, главным образом – на США. Вне зависимости от того, чем мотивируется это предложение, оно будет истолковано в контексте борьбы за влияние в Центральной Азии и воспринято как враждебный шаг.

Как минимум, полномасштабное вступление зоны в силу затянется и в этом случае – поскольку с большой степенью вероятности Россия откажется подписать Протокол к Договору о ЦАЗСЯО, а возможно, также и Китай.

Более того, страны Центральной Азии не склонны менять текст договора, как показала последняя ратификация в Туркменистане, то есть предпочтительное для Запада решение просто нереально. Таким образом, его полномасштабное вступление в силу все же будет отложено на неопределенный срок.

Если даже удалось бы убедить некоторых из четырех участников зоны – членов ОДКБ в необходимости исключения статьи 12 или реинтерпретации Договора о коллективной безопасности, то к негативным последствиям для российско-американских отношений и отношений с Западом в целом добавится раскол внутри самой Центральной Азии, поскольку неизбежно проявятся разногласия между странами, уже ратифицировавшими Договор о зоне, и теми, кто решит пойти на поводу у *западной тройки*. Вопрос о поправках к Договору о ЦАЗСЯО способен надолго заблокировать вступление Договора в силу.

С учетом вышесказанного ясно, что решение должно быть неконфронтационным, компромиссным. Оно должно укреплять статус зоны, свободной от ядерного оружия, но не расшатывать сложившиеся структуры безопасности. Достичь такого решения непросто, прежде всего по психологическим причинам, поскольку каждой из сторон пришлось бы отказаться от наиболее предпочтительного для нее варианта. Но лишь такой подход способен обеспечить устойчивость решения в долгосрочной перспективе и избежать политических и иных издержек, связанных с затягиванием процесса полномасштабного вступления договора в силу и, хуже того, с возможной конфронтацией. Так, *западной тройке* следует определиться, насколько для них важно исключение статьи 12. А именно – готовы ли они к обострению отношений с Россией, готовы ли они заставить страны Центральной Азии заплатить за это решение.

Что касается России, то в первую очередь надо определиться, какова *цена вопроса*. Для России этот вопрос важен в большей мере, чем для остальных ядерных государств. Для той же *западной тройки* вопрос о статье 12 – это прежде всего вопрос довольно абстрактного принципа (устранение неопределенности в статусе зоны). Для России речь идет о сохранении ОДКБ, то есть ставка несоизмеримо выше. Для обеих сторон речь также идет о мере влияния России в Центральной Азии, но если для западных стран ослабление этого влияния – желательный, но не критически важный результат, то для России ставка опять-таки весьма высока. Иными словами, именно Россия прежде всего должна быть заинтересована в том, чтобы найти решение спорного вопроса о статье 12 и не дать превратить ее в элемент *большой игры*, но при этом решение такое, чтобы не поступиться своими коренными интересами.

При этом важно иметь в виду, что даже сама постановка вопроса о размещении ядерного оружия в Центральной Азии подрывала бы известную российскую позицию, согласно которой ядерное оружие должно находиться только на территориях стран, им обладающих (что в практическом плане означает вывод американского ядерного оружия из Европы). Если Россия будет открыто настаивать на своем праве разместить ядерное оружие в Центральной Азии, то продолжать настаивать на выводе американского ядерного оружия из Западной Европы было бы затруднительно. А ведь нынешняя российская позиция о размещении ядерного оружия только на национальных территориях принципиально важна – нельзя не учитывать некоторой (пусть и не очень большой) вероятности того, что американское ядерное оружие может двинуться и в Восточную Европу. В конце концов, обязательство не делать этого не является юридически обязывающим.

Таким образом, долгосрочным интересам России действительно отвечало бы сохранение региона свободным от ядерного оружия. Дело не только в том, сможет ли Россия ввести ядерное оружие в Центральную Азию – намного важнее гарантировать, что там не появится ядерное оружие, принадлежащее любой другой стране. *В конечном счете, создание ЦАЗСЯО по-настоящему отвечает интересам России, и за нее стоит бороться.*

ВОЗМОЖНОЕ РЕШЕНИЕ

С учетом высказанных выше соображений оптимальным вариантом решения вопроса о том, как укрепить статус Центральной Азии как зоны, свободной от ядерного оружия, без того, чтобы затрагивать Договор о коллективной безопасности, представляется политическое обязательство о неразмещении ядерного оружия на территории зоны по примеру обязательств НАТО в отношении территории новых членов блока.

В 1997 г., когда между Россией и НАТО велись переговоры в связи с первой волной расширения Североатлантического альянса, с российской стороны был поставлен вопрос о том, чтобы на территории новых членов не размещалось ядерное оружие. Москва требовала, чтобы это положение было юридически обязывающим. НАТО со своей стороны заявляло, что не может принять юридического обязательства, поскольку это было бы нарушением Вашингтонского договора, создавая две категории членов блока – *старых* членов, на территории которых ядерное оружие может быть размещено, и *новых*, на территории которых это запрещалось бы. Вместо юридически обязывающего НАТО сделало политически обязывающее заявление, которое вошло в основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и НАТО (Париж, 27 мая 1997 г.). Соответствующее положение гласит:

«Государства – члены НАТО ... не имеют намерений, планов или причин для развертывания ядерного оружия на территории новых членов и не имеют необходимости изменять любой из аспектов построения ядерных сил НАТО или ядерную политику НАТО, а также не предвидят необходимости делать это в будущем. Это включает тот факт, что НАТО приняло решение о том, что не имеет намерений, планов или причин создавать места хранения ядерного оружия на территориях этих стран ни путем строительства новых объектов хранения ядерного оружия, ни путем приспособления старых объектов хранения ядерного оружия. Под местами хранения ядерного оружия понимаются специально предназначенные для размещения ядерного оружия объекты, включающие все

виды защищенных наземных и подземных сооружений (хранилищ и устройств), предназначенных для хранения ядерного оружия»⁸.

Принятие аналогичного – практически дословного – заявления Россией в отношении ЦАЗСЯО могло бы способствовать решению вопроса о статье 12. Такое заявление могло бы быть сделано в связи с подписанием Протокола к Договору о ЦАЗСЯО. У этого варианта есть ряд преимуществ перед другими подходами.

Во-первых, юридические, политические, организационные и иные основы ОДКБ остаются в неприкосновенности, вопрос решается отдельным заявлением в других рамках и другом контексте. Удастся и избежать дискуссии (а она возможна, даже несмотря на достаточно ясное содержание Договора о коллективной безопасности) о том, возможно ли теоретически размещение ядерного оружия в рамках ОДКБ. Такая дискуссия не нужна и даже вредна.

Во-вторых, инициатива в решении вопроса остается за Россией и не будет навязана извне. Реагировать всегда труднее – это требует более значительных уступок, чем формировать собственную повестку дня.

В-третьих, создается своеобразный параллелизм между политическими обязательствами России в отношении ЦАЗСЯО и обязательствами НАТО в отношении новых членов, что способствовало бы повышению надежности последних. Именно этому должно способствовать практически дословное повторение натовской формулировки. То есть в случае, если бы НАТО (крайне маловероятный сценарий, но все-таки...) решилось выйти из своих обязательств в отношении размещения ядерного оружия и инфраструктуры на территории новых членов, то автоматически снимались бы и обязательства России в отношении ЦАЗСЯО. То есть для НАТО цена отказа от обязательств 1997 г. существенно повышается. Выигрыш небольшой, поскольку у НАТО действительно не просматривается таких планов, но все же повышает предсказуемость ситуации.

Есть, конечно, определенная разница – новые члены НАТО никогда не объявляли себя безъядерной зоной. Скорее уж, некоторые из них с удовольствием бы приняли ядерное оружие на своей территории. Но если для НАТО в целом и, более конкретно, для *западной тройки* действительно важен неядерный статус Центральной Азии, то положительные последствия в Европе все же будут.

В-четвертых, речь идет не о жертве со стороны России, а о политическом закреплении реально существующего положения дел – размещение ядерного оружия в Центральной Азии на повестке дня действительно не стоит.

Остается открытым вопрос о том, будут ли такие политические обязательства России достаточны для *западной тройки* или они все же будут настаивать на юридически обязывающем решении. Последнее, конечно, возможно, но тогда сразу возникает встречный вопрос: если НАТО считает, что его политическое обязательство является достаточным для России, то почему политическое обязательство России не может быть достаточным для НАТО? Форма политически обязывающего заявления аргументировалась НАТО главным образом как способ зафиксировать реальное положение дел без изменения юридических рамок – и Вашингтонский договор остается в неприкосновенности, и Россия получает необходимые гарантии. То же относится и к предлагаемому решению: Договор о коллективной безопасности остается в неприкосновенности, но *западная тройка* получает необходимые гарантии статуса зоны, свободной от ядерного оружия. Против этого аргумента можно спорить, но *отбивать* его было бы затруднительно.

Можно ожидать оппозиции и внутри России – мол, не о чем тут вообще разговаривать и нечего идти на уступки в регионе, который является сферой жизненно важных интересов России. Такая позиция чрезвычайно выигрышна в пропагандистском и риторическом плане, но чревата потерями в практической политике. Стоит напомнить, что в конце 1980-х гг. аналогичные призывы «не отдавать ГДР» обернулись полным отсутствием советской позиции по вопросу о воссоединении Германии. Инициатива была отдана Западу до самого последнего момента, когда что-либо принципиально менять было поздно. А ведь был момент, когда можно было обеспечить нейтральный, внеблоковый статус

единой Германии, тогда и о последующем расширении НАТО речь бы не шла. Не то чтобы обязательно надо сожалеть о членстве объединенной Германии в НАТО – у него есть свои плюсы и минусы, но эта старая история показывает, что адепты псевдопатриотической пропаганды обычно получают результат, обратный желаемому. 🐼

Примечания

¹ Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. Семипалатинск, Казахстан 2006, 8 сентября. <http://www.pircenter.org/data/resources/CANWFZTreaty.pdf> (последнее посещение – 5 мая 2008 г.).

² NPT PrepCom 2008. Chair's Factual Summary. 2008, May 9. Paragraph 41. Acronym Institute/ <http://www.acronym.org.uk/npt/08chair.htm> (последнее посещение – 19 мая 2008 г.).

³ Disarmament Commission Adopts Guidelines On Nuclear-Weapon-Free Zones, Conventional Arms, As It Concludes Three-Week Session. Press Release DC/2641 231st Meeting (PM). 1999, 30 April. United Nations. <http://www.un.org/News/Press/docs/1999/19990430.DC2641.html> (последнее посещение – 19 мая 2008 г.).

⁴ Договор о коллективной безопасности. Ташкент, Узбекистан. 1992, 15 мая. http://www.pircenter.org/kosdata/page_doc/p1494_1.pdf (последнее посещение – 5 мая 2008 г.).

⁵ Североатлантический договор. Вашингтон, Федеральный округ Колумбия, США. 1949, 4 апреля. <http://www.nato.int/docu/other/ru/treaty.htm> (последнее посещение – 5 мая 2008 г.).

⁶ Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. Семипалатинск, Казахстан 2006, 8 сентября. <http://www.pircenter.org/data/resources/CANWFZTreaty.pdf> (последнее посещение – 5 мая 2008 г.).

⁷ Договор о коллективной безопасности. Ташкент, Узбекистан. 1992, 15 мая. http://www.pircenter.org/kosdata/page_doc/p1494_1.pdf (последнее посещение – 5 мая 2008 г.).

⁸ Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора. Париж, Франция. 1997, 27 мая. <http://www.nato.int/docu/basicxt/fndrus.htm> (последнее посещение – 5 мая 2008 г.).